

УДК:94

Йунус Нади Шен

КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ

В Турции существует несколько мнений на счет появления термина *евразийство*. По мнению турецкого левого исследователя О. Эрдема данное понятие ввел в обиход сам Мустафа Кемаль Ататюрк [6]. Согласно другой версии термин был придуман в России, потом перенят турецкими интеллектуалами [16]. Существует также мнение, что данный термин впервые в Турции его использовали младотурки [4]. Однако, если анализировать идеологию младотурков начала XX века, где основная мысль сводится к созданию «Великого Турана», объединяющего земли, на которых преимущественно проживают этнических тюрки [10, pp. 27–84; 11, pp. 17–41], то можно найти немало отличий по сравнению с термином *евразийство*. Видение *евразийства* в Турции очень сильно отличается от его терминологического понятия России. Это обусловлено культурно-историческим прошлым турецкого народа и его происхождением, а также психологией народа и современной политической ситуацией.

По мнению большинства турецких ученых [13, pp. 273–277], сильное влияние на турецкое *евразийство* оказало *евразийство* российское. При сравнении турецкого *евразийства* с российским можно найти немало сходств и различий, однако, не вызывает никаких сомнений тот факт, что возникали они автономно и по своему генезису представляют собой два различных явления.

Российское, в отличие от турецкого, имеет давнюю и четкую внешнеполитическую подоплеку.

Если русское евразийство имеет глубокие корни в противопоставлении себя Западному миру и осознании себя в качестве отдельной не западной цивилизации, то в Турции данное явление оказалось в тесной связи именно с западничеством, модернизацией страны. Теории тюркизма и пантюркизма в качестве первых евразийских концепций были искусственно введены местной светской интеллигенцией в противоположность панисламской идеологии властей. Целью турецких интеллектуалов, придерживающихся евразийской интеграции, было восстановление политического могущества Турции на Востоке через изменение направления экспансии с юга и запада (арабские страны и Балканский полуостров) на восток [12, pp. 17–41].

Появлению идей евразийства в Турции способствовали как внутренние причины (противостояние традиционалистов и модернистов), так и внешние – влияние Запада и последствия распада Османской Империи. В обоих случаях становление и популяризация идей евразийства вытекают из политического и системного кризиса, в состоянии которого оказались оба государства. Пытаясь сохранить стабильность и расширить свое влияние, Россия и Турция приступили к переосмыслению своей идентичности, придавая большое значение своему происхождению и традициям. В некотором роде, концепция Евразийства является очень опасным инструментом, открывающим дорогу идеям национализма, которые могут привести к жестокому кровопролитию. Поэтому, по мнению турецких левых евразийцев, к евразийской теории следует относиться с особой осторожностью, придерживаясь изначально заложенных идей сотрудничества между народами Евразии [1, pp. 550–552.].

В России научная трактовка евразийства появилась чуть раньше, чем в Турции. В идеологическом плане российский вариант имел более успешную научную базу и был более консолидирован общим

подходом к решению проблем, в отличие от турецкого, где каждая сторона по-своему трактовала причины и последствия распада Османской Империи. В некотором роде, поэтому в основе турецкого евразийства были использованы идеи успешного российского евразийства. Но несмотря на это, турецкая интеллигенция того времени считала, что свои корни евразийство в Турции берет от идей пантюркизма и пантуранизма, распространившихся среди турецкой светской интеллигенции во время правления младотурок. Отчасти это можно объяснить тем, что Турция и Россия начала XX века отождествляли себя как уникальные государства, находящиеся на периферии западной и восточной культур. Поэтому каждая из сторон расценивала свою внешнеполитическую доктрину евразийства, единственную в своем роде. Исходя из идей евразийства, Турция и Россия были склонны считать своей колыбелью восточную культуру, но и не отрицали тот факт, что переняли многое из западной культуры. Турция и Россия всегда подчеркивали свою самобытность, которая проявлялась во многих аспектах жизни общества и политике государства.

Ведь как в случае Турции, так и России, интеллигенция этих стран видела в евразийстве альтернативный путь спасения и развития государств, в уже пошатнувшихся устоях империализма, за счет расширения в восточном направлении и с применением более мягких инструментов внешней политики.

Следует обратить внимание на параллели становления и развития турецкого и российского империализма, которые вполне в евразийском ключе проводит британский ученый Д. Ливен: «И русские, и османы выросли в тени монголов, в регионах, косвенно контролируемых государствами – наследниками Великого хана. По мере того как могущество империи монголов шло на спад, русские и османы занимали оставляемые ею ниши. Османы, например, захватили Черное море и его северный берег и господствовали там. В середине XVI века распространение русских в южные степи вступило в противоречие с

интересами османов, и главным образом с интересами их сателлита – Крымского хана. С этого времени отношения между двумя государствами, и прежде не слишком близкие, но вполне дружелюбные, начали портиться» [21, с. 679]. Таким образом, автор приходит к выводам о наличии некоторых общих закономерностей в развитии двух государств, что позволяет сравнивать эволюцию их развития.

И Турция, и Россия являются наследниками Великой Монгольской Империи, а значит и в идеях евразийства обеих стран можно найти много общего. Но факторы географического соседства и ограниченного геополитического пространства отрицательно повлияли на союзнические отношения между Османской и Российской империями. Д. Ливен пишет об следующее: «И московская, и османская династии появились на периферии огромных территорий и цивилизаций, над которыми они впоследствии установили свое господство. Москва была аванпостом Киевской Руси, а та, в свою очередь, являлась одним из последних и самых удаленных «завоеваний» византийского христианства. Тюрки Центральной Азии, от которых, собственно, и произошли османы, были, по крайней мере, так же далеки от центра ислама. Русские обратились в христианство, а тюрки – в ислам в том же десятом веке. Наплыв тюрков в Анатолию начался после поражения Византии при Манзикерте в 1071 году; в это же время славяне начали заселять Северо-Восточную Русь – будущее Московское царство. В Средние века религиозные убеждения обычного османского или московского подданного были далеки от символов веры, провозглашаемых городскими религиозными лидерами православия или ислама. Крестьянство Северо-Восточной России до XIV века было христианским только в отдельных местах. Религией османского населения в это время был сплав мусульманства, христианства и язычества, что вполне естественно для региона, только недавно завоеванного чуждыми тюркскими элементами, но веками до этого принадлежавшего различным культурам, цивилизациям и правителям»

[21, с. 680]. По данному отрывку мы понимаем, насколько же схожи при всем разнообразии наследники Империи Монголов. Несмотря на свое общее происхождение, каждая из империй выбрала свой путь развития. В начале строительства мультикультурных Российской и Османской империй у обоих государств отсутствовал интерес к сотрудничеству с европейскими странами. По истечению времени и прогресса Западной цивилизации Османская и Российская империи начали интегрироваться в Европейскую культуру. Европейцам было не выгодно иметь сильных соседей на Востоке, и поэтому они не особо стремились к сотрудничеству. Европа не видела партнеров в лице новообразованных сопредельных империй на востоке. Стоит лишь упомянуть о потере такого важного оплота христианства как Византия. Для Европы восточный непреодолимый барьер в виде осколков Арабского халифата и могущественной Великой Монгольской Империи преобразовался в новых потенциальных врагов – Османскую и Российскую империи [8, pp. 12–13]. Стремление Османов и России проникнуть в Европу, как и желание европейцев захватить восточные территории, вылились в кровопролитные сражения. Длительный промежуток времени Европейские державы очень умело манипулировали отношениями между Османской и Российской империями, не давая им возможности объединиться против Европы. Отчасти безрезультатность продвижения Османской и Российской империи в западном направлении, отсутствие у них постоянных и сильных партнеров, а также жесткий ответ Европы и привели к переосмыслению самоидентификации с изменением политических взглядов в сторону Евразийства.

Столкнувшись с последствиями Первой мировой войны (военная интервенция в России, освободительная война) и крахом империй, Турция и Россия осознали, что они находятся «в одной лодке» и у них общий враг в лице Запада. Наконец-то вместо обособленности и самолюбия пришло понимание общего родства и политического единства. Сам факт неоценимой помощи со стороны большевистской России в отношении кемалистской Турции во время противостояния с

Западом (в ходе войны за независимость Турции, в которой ей противостояли державы Антанты), подтверждает то, насколько были близки взгляды и сплоченность этих государств. Параллельно этому Советская власть расценивало данное сотрудничество, как помощь в пробуждении восточных и мусульманских стран в борьбе с империализмом [20, с. 427]. Но, несмотря на это, после образования СССР и смерти Мустафы Кемаля (10 ноября 1938 г.) приведшей к смене политического курса, идеи Евразийства в обеих странах начинают угасать. Этому также способствовало масштабное противостояние двух мировых идеологий XX века – капитализма и социализма, где идеям такого плана отводилась второстепенная роль.

Незадолго до смерти первого президента Кемаля Ататюрка, Турция стала отдаляться от СССР и сближаться Западом, в первую очередь, с Германией [19, с. 31–34]. В годы Второй мировой войны Турция сохраняла нейтралитет, однако, поражения СССР в ходе первых лет войны стали причиной активизации прогерманских политических движений. По мнению их сторонников, Турция должна была выступить против СССР и захватить районы, населенные тюркским и мусульманским населением. Фактически, в Турции в начале 40-х гг. XX в. имело место возрождение пантюркистского и пантуранистского движения, зародившегося еще в начале XX в [18, pp. 28–29]. Однако, с поражением Германии деятельность этих политических групп была раскритикована, а ряд их членов отданы под суд. Среди них был офицер Альпарслан Тюркеш, впоследствии один из лидеров военного переворота 1960 г., основатель и бессменный лидер «Партии националистического движения», чья идеология была основана на турецком национализме и пантюркизме.

После краха модели СССР меняется политическая картина мира. К северу и западу от Турции возникает, так называемая «геополитическая пустота» [5, р. 472], которая открывает новые возможности в развитии и продвижении турецкого евразийства. В этот период и происходит перерождение идеи Евразийства.

Используя свое родство в языковом, этническом, религиозном и историческом аспекте, Турция начинает активно сотрудничать с такими регионами как Средняя Азия и Кавказ. Наряду с ростом амбиций возникает и немало вопросов по поводу методов продвижения своей идеологии в данных регионах.

В Турции в 90-е гг. XX в. наблюдается возрождение пантюркистских теорий начала XX в. Вновь популярными становятся идеи Ю. Акчуры и З. Гёкалпа о необходимости интеграции тюркского пространства евразии вокруг Турции.

Параллельно с распространением собственных идей евразийства в Турции пользовалась огромным успехом, и концепция русского евразийства. Следует отметить, что после распада СССР интерес к русскому евразийству в России и в Турции появился в один и тот же период.

Начиная с 90-ых годов XX века, понятие евразийство набирает все большую популярность в Турции. Данный термин стал широко использоваться не только в политическом и культурном плане, но и постепенно стал охватывать все аспекты жизни общества, закрепляясь в умах людей как новая идеология [14, р. 23].

В тот же период концепция евразийства получает широкое распространение в таких идеологических течениях Турции как: социализм, национализм, неокемализм и неоосманизм. Несмотря на общий вектор воззрения на концепцию, каждое политическое течение пытается трактовать евразийство по-своему. До сих пор в Турции не сформировалось общего подхода к определению концепции евразийства. В данной полемике каждая из сторон по-разному описывает данное понятие и по-своему очерчивает потенциальную сферу влияния турецкого евразийства. Это проявляется в таких рассуждениях как: Турция как бастион социализма на Востоке [4, р. 23]; в идеях построения тюркского государства Туран [см. подр.: 3; 14]; в необходимости азиатизации внешней политики Турции в восточном направлении [16, pp. 74–78]; в реинтеграции

геополитического пространства Османской Империи [5. pp. 128–196]. Несмотря на противоречия, все стороны поддерживают идею стремления Турции расширить свое геополитическое пространство в современном мире. [9, p. 51].

Каждая из идеологических сторон, будь то социалисты, националисты, неокемалисты и неоосманисты, так или иначе пытаются по-своему трактовать принципы евразийства, не особенно сопоставляя свои взгляды с классическими принципами. Концепция претерпела деформацию в различных идеологических течениях, превратившись в иную парадигму. Если проанализировать платформу идеологических течений Турции до и после популяризации евразийства в рамках своей идеи, то никаких больших отличий мы не найдем. Концепция евразийства как бы стала дополнением к различным политическим идеологиям Турции, тем самым превратившись в орудие в руках различных партий, стремящихся распространить свою идеологию и оправдать свой политический курс.

Многие турецкие ученые по-разному характеризуют понятие евразийство. В некоторых моментах их высказывания даже противоречат друг другу. Скорее всего, данный конфуз связан с принадлежностью того или иного ученого к различным политическим течениям и партиям. Не редко высказывания турецких исследователей не имеют ничего общего с используемым ими термином «евразийство». Исходя из вышесказанного, в Турции до сих пор нет четкого терминологического определения Евразийства. Данная ситуация приводит не только к отсутствию определения, но и к трудности осмысления Евразийства в интеллектуальных кругах Турции. Эта проблема усугубляется попытками некоторых турецких ученых спроецировать российское евразийство на турецкую действительность [17, p. 11].

Таким образом, при исследовании данной тематики мы сталкиваемся с проблемами определения и понимания турецкого евразийства. Как уже упоминалось, различные трактовки модели

евразийства в Турции (с позиции социализма, национализма, неокемализма, неоосманизма и российского евразийства), делают эту концепцию менее жизнеспособной. Проблема вовсе не заключается в утопичности или же прагматичности идей, она в самом понимании данного определения и его концептуальной сущности. Помимо этого, отсутствие четкого понимания термина «евразийство» искажает основную суть концепции, тем самым создавая путаницу. Поэтому ошибочная трактовка евразийства ставит перед турецкими интеллектуалами ложные задачи, тем самым искажая видение сложившейся проблемы.

Как уже выше отмечалось, распад Советского Союза и образование «геополитической пустоты» на постсоветском пространстве, приоткрывает новые возможности для воплощения идей турецкого евразийства. Если посмотреть на карту потенциального охвата евразийства Турции и России, то мы увидим, что их интересы пересекаются в таких регионах как, Причерноморский бассейн, Кавказ и Средняя Азия. [17, p. 121]. С одной стороны, общая евразийская идеология обоих государств, которая местами подразумевает противопоставление себя Западным державам и направленная на сотрудничество с Азиатскими странами, должна благоприятно влиять на их сотрудничество между собой. Но с другой стороны, пересечение геополитических интересов в регионе вызывает конкуренцию между Турцией и Россией, что негативно сказывается на их отношениях [2, pp. 59–68]. Данная конкуренция ограничивает возможность одной из сторон полностью распространить свое влияние в регионе, тем самым превращая данную территорию в арену геополитических игр.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Akçalı E., Perinçek M.** Kemalist Eurasianism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey. *Geopolitics*, Vol. 14, Issue 3 (2009), pp. 550-552.
- 2. Bakar İ.** Jeopolitik Yaklaşımlar Çerçevesinde Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus Yönelişleri: Basılmamış doktora tezi. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı. İstanbul, 2006. 316 p.

3. **Burris G.** Taming the Gray Wolf: Nihal Atsız, Alparslan Türkeş and the Ideological Transformation of Turkish Ultrationalism. Indiana University, 2007. 247 p.
4. **Çeçen A.** Atatürk ve Avrasya. İstanbul, 1999. 352 p.
5. **Davutoğlu A.** Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yay., 2010. 584 p.
6. **Erdem Ö.** "Avrasyacılık tartışması Atatürkçülük tartışmasıdır." URL: // <http://www.turksolu.com.tr/53/erdem53.htm>
7. **Erşen E.** Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı ve Rusya-Türkiye Üzerindeki Etkileri: Basılmamış doktora tezi. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı. İstanbul, 2009. 359 p.
8. **Fierman W.** Soviet Central Asia: The Failed Transformation. San Fransisco: Westview Press, 1991. 350 p.
9. **Göka E., Yılmaz M.** Uygarlığın Yeni Yolu: Avrasya. İstanbul: Kızılelma Yayıncılık, 1998. 216 p.
10. **Gökalp Z.** The Principles of Turkism. Leiden, 1968. 158 p.
11. **Akçura Y.** Türkçülüğün Tarihi. Kaynak Yayınları. Ankara, 2008. 184 p.
12. **Gürsoy A.** Küreselleşme Etkisinde Türk Dış Politikasında Eğilimler: Avrupa mı, Avrasya mı, Orta Asya mı?: Basılmamış yüksek lisans tezi. Atılım Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. Ankara, 2007. 170 p.
13. **İmanov V.** Rusya'nın Medeniyetsel Kimlik İnşası Olarak Avrasyacılık: Basılmamış doktora tezi. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enst. Siyaset Bil. ve Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı. İstanbul, 2007. 385 p.
14. **İsmayilov M.** Avrasyacılık. Mukayeseli Bir Okuma - Türkiye ve Rusya Örneği. Ankara: Doğu-Batı yayınları. 2011. 402 p.
15. **Landau J.M.** Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London, 1995. 275 p.
16. **Perinçek D.** Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1996. 112 p.
17. **Perinçek M.** Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratiği. Ankara: Cantekin Matbaacılık, 2006. 269 p.
18. **Sotnichenko A.** The Rise of Pan-Islamism and Pan-Turkism on Southern Russian Borders // Post-Communist Countries in Search for Security and Stability. St. Petersburg, 2005. С. 28-42.
19. **Гасанлы Дж.** СССР – Турция. От нейтралитета к холодной войне. 1939-1953. М., 2000. 663 с.
20. **Документы внешней политики СССР.** Том 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. 805 с.
21. **Ливен Д.** Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.